

Каменский Геннадий

7.3.02

Геннадий Каменный: из лирического тенора «выжимаю» по максимуму

Моск. правда. — 2002. — 7 марта. — с. 4

Трудно понять истоки нашей неистребимой любви к высоким мужским голосам. Может, это итальянская оперная традиция так повлияла, когда лучшие партии героев-любовников пели тенора, а может, пение в церквях оставило по себе такую память. Но так уж сложилось в советской эстраде, особенно в 30 - 50-е годы: эту противоречивую, если не сказать, страшную эпоху олицетворял... лирический тенор.

Люди старшего поколения вспоминают черные репродукторы и патефоны, из которых неслись спадчайшие и вкрадчивые голоса Козина, Виноградова, Александровича, хотя и не советского, но безумно любимого публикой Петра Лещенко. Впрочем, и в оперном искусстве пальма первенства была опять же у теноров: Козловский и Лемешев стали настоящими кумирами публики. Позже на эстраду пришли прекрасные баритоны и басы, а певцы-тенора вроде бы ушли в тень. Тогда на эстраде и появился еще один тенор — Геннадий Каменный. В 70 - 80-е годы он был очень популярен. А потом как-то исчез из поля зрения поклонников. И вот в последнее время на афишах все чаще мелькает его имя, хотя в «затылок дышат» более молодые коллеги — Виктор Соломенцев, Олег Погудин...

Недавно прошел концерт Геннадия Каменного в Политехническом музее (кстати, следующий сольный концерт певца там пройдет в мае). И что же? Судя по всему, тенор по-прежнему в чести. В этом, конечно, заслуга не одного только приятного, какого-то прозрачного, проникающего в самую душу голоса певца. На сцену вышел настоящий мастер, который понимает, что и зачем он поет. Что его терзает, радует или печалит. Певец строит концерт в основном на мелодиях прошлых лет, и это вполне оправдано. Сказать по чести, пока что не создано ничего лучше старинных романсов или музыкальной классики советского периода. Романсы «В лунном сиянии», «Ночь светла», «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Каменного приобретают какие-то новые краски, нюансы содержания становятся более понятными. Чувствуется, вышел человек, не только прекрасно владеющий голосом, но много переживший, понявший что-то главное в жизни. С громадным удовольствием слушали в зале и старые наши песни, например, замечательную «Какая песня без баяна» Анофриева, которой подпевали буквально все. Или потрясающую песню Туликова «Любите Россию», которую певец исполнял как-то по-особенно му проникновенно. Очень любят поклонники певца и новую работу — песню его

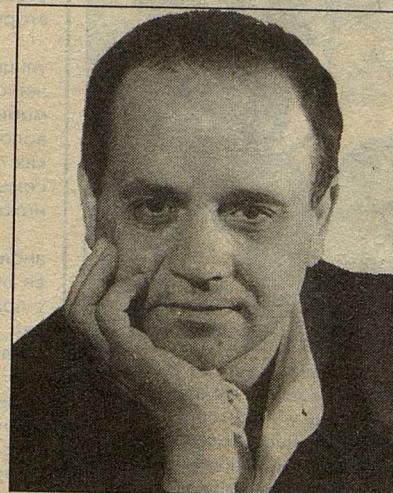
земляка Николая Мельникова «Поставьте памятник деревне на Красной площади в Москве».

Даже какое-то упрямое следование традиции, нежелание поддакивать под сиюминутную моду подкупают слушателя. Единственное новшество, которое позволил себе на концерте певец, — сопровождение под фонограмму. И все же лучше пение Каменного воспринимается под акустический аккомпанемент рояля или баяна, на котором он, кстати, превосходно играет.

Между прочим, именно с баяна и началась творческая жизнь деревенского паренька из-под Брянска. Первые музыкальные уроки Гена получил у сельского гармониста дяди Сережи. Игра на гармошке стала мечтой. В городе Почеп (родина Матвея Блантера) открылась музыкальная школа, и Гена упросил родителей поехать туда учиться по классу баяна. Отец, конечно, посчитал это несерьезным, он мечтал видеть сына врачом или военным. Но... за три года тот окончил пятилетний курс музыкальной школы, а потом поступил в Брянское музыкальное училище.

Опять же случай помог юному музыканту выруть на свою дорогу. Как-то в Брянске выступал безумно популярный в 60-е годы Жан Татлян, которому Гена решил подражать. И вот настал день (дело было в 1966 году), когда его попросили выступить в качестве певца на одном из концертов в училище. «Косил» под Татляна безбожно, но был кем надо замечен. Потом начались бесконечные конкурсы, концерты. Хотя после училища его послали преподавать в ту самую школу в Почепе, думы о певческой карьере не оставляли. Услышал о том, что в Москве есть Всероссийская творческая мастерская эстрадного искусства, где преподает легендарный Георгий Павлович Виноградов. Для начинающего певца он был настоящим кумиром. Этот человек пел все — и русские песни, и романсы, и классику. И как пел!

— Так вот, написал письмо Виноградову, сказал, что я — баянист, но хочу учиться петь по-настоящему, — рассказывает Геннадий Каменный. — Приезжало, пока-

зываюсь, и директор мастерских Леонид Семенович Маслюков, предлагал мне подготовить песню «Рязанские мадонны». К слову, эту песню пела тогда Зыкина, но на самом деле это мужская песня, и содержание в ней заложено очень глубокое, она и сейчас звучит современно. Песня получилась, и Маслюков взял меня учиться. Мне повезло, что его жена и в прошлом партнерша по уникальному цирковому номеру (помните, когда он держал ее на протянутой ладони) Тамара Птицина работала тогда художественным руководителем в коллективе «Омичи на эстраде» (между прочим, тогда там работала и Люба Полищук). И вот от Омска я начал участвовать в конкурсах, на которых меня замечают, и уже в 1977 году пригласили в Москву. Взяли в Росконцерт солистом. Потом попал в джазовый оркестр под руководством Анатолия Кроппа, где успешно отработал 10 лет, объездив всю страну и чуть не полмира. Пришло время, и песенки уже начали надеяться, хотя я пытался из лирического тенора «выжать» по максимуму. Кстати, я и там делал номера под баян. Мне это еще Георгий Павлович подсказал. Мол, такая «красочка» сделает исполнение более интересным.

Потом я буквально прорвался в Гнесинский институт. Когда пришел туда поступать, мне сказали: «Гена, ты уже известный певец. Зачем тебе учиться?». Но я хотел учиться не на эстрадном факультете, а пошел на сольное пение, где преподавали Левко, Эйзен, Долуханова. Хочел получить солидное академическое об-

разование, «школу». И не жалею. Сейчас, кстати, это особенно важно. Ведь я спокойно могу петь и без микрофона, и без музыкантов, чтобы поехать на концерт, мне нужно только взять с собой баян — и все. Чем разносторонней и мобильней певец, тем он более востребован.

— Куда вы так надолго исчезали?

— Я объездил всю заграницу еще тогда, при советской власти, видел красоту тамошней жизни, ее фасад. И отношение к нам было тогда другое. Я, например, чувствовал, что за мною — могущественная держава. Но, как говорится, пришли другие времена. Здесь с эстрадой начались какая-то свистопляска, и я решил попытать счастья на Западе. Хотел помочь детям. Быть может, даже обосноваться там со временем. Материальная сторона меня как раз не так уж сильно волновала: на Родине я всегда давал много концертов, постоянно гастролировал. В общем, покинули мы в Брюсселе пять лет, а потом я семье сказал: смотрите, я больше здесь жить не могу. Хотя жить там как раз можно: если ты имелась работу — любую — ты будешь в порядке. Но... мы все вернулись назад. Замучила ностальгия, мой деревенский менталитет, наверное, такой. Мне нужно общение, с кем-то поделиться проблемами, обсудить что-то. А Запад — это не мое. И люди там — противные, особенно бельгийцы. Как только я вижу сейчас иностранца — меня трясет. Заграница нам поможет? Развратит, высосет все соки и выбросит. Кстати, меня брали солистом в Брюссельский оперный театр, но я уехал домой и не вернулся...

— Приехали, а здесь уже все по-другому!

— Новые течения, новые отношения. Раньше в Доме звукозаписи кипела работа — записывали всех. Видел там и Козловского, и Лемешева. И платить за это было не надо. И сейчас все можно, только за деньги. Но когда король голый — это не спрятешь. Сегодня, в основном, на эстраде происходит какое-то клонирование — индивидуальностей почти нет. А ведь главная заповедь артиста, как мне говорил Виноградов, не делать так, как делают все. Лирическая песня очень нужна людям. У меня тоже есть свои поклонники, которые меня любят, поддерживают. На концертах всегда зал полный. И главное — я живу на Родине, которую безумно люблю. Что же мне еще желать?

Ирина ШВЕДОВА.